

Научная статья

УДК 821.161.1+930.25

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5242



«БЫВШИЙ КНЯЗЬ» Всеволод Долгоруков как прототип и читатель романа Достоевского «Подросток»

В. В. Борисова

Башкирский государственный педагогический

университет им. М. Акмуллы

(г. Уфа, Российская Федерация)

e-mail: borisova@ufacom.ru

Аннотация. В статье рассмотрены биографический, реальный и историко-литературный аспекты романа «Подросток», связанные с жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского и Вс. А. Долгорукова, «бывшего князя», обладавшего литературными способностями, участника шайки «червонных валетов», которые были замешаны в «деле о куманинском наследстве». Он вначале стал прототипом героев романа «Подросток», а затем эпигоном его автора, пережив, после падения на дно жизни в молодые годы, новый жизненный взлет в сибирской ссылке, обусловленный искренним раскаянием и нравственным очищением. Исправление и «восстановление» Всеволода Долгорукова подтверждается его благотворительной и творческой деятельностью. Вслед за Достоевским он воспроизвел тип «русского подростка» из «случайного семейства», к которому, наряду с героями романа Достоевского Аркадием Долгоруком и Сергеем Сокольским, относится и главный герой романа-хроники Вс. Долгорукова «Литературная богема» (1890) молодой граф Нагоров. Мемуарные записки «раскняженного князя», которого дважды лишили титула, в сюжетном и идейном плане во многом перекликаются с «записками» Подростка, что обусловлено влиянием романа Достоевского на Вс. Долгорукова. Об этом также свидетельствует его каторжный рассказ «Мишка Блоха», типологически сходный с «Записками из Мертвого Дома» и пасхальным рассказом «Мужик Марей». На этом основании в статье сделан вывод о том, что в жизни и творчестве Всеволода Долгорукова нашла свое воплощение надежда Достоевского на встречу «русских подростков» с православной идеей.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Подросток», Вс. А. Долгоруков, «случайное семейство», герой, прототип, «герой-сочинитель»

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-90013 Достоевский («Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского).

Для цитирования: Борисова В. В. «Бывший князь» Всеволод Долгоруков как прототип и читатель романа Достоевского «Подросток» // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 1. С. 149–167. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5242

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5242

“The Former Prince” Vsevolod Dolgorukov as a Prototype and Reader of Dostoevsky’s Novel *The Raw Youth*

Valentina V. Borisova

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

(Ufa, Russian Federation)

e-mail: borisova@ufacom.ru

Abstract. The article deals with the biographical, real and historical-literary aspects of the novel *The Raw Youth* that are related to the life and work of Fyodor Dostoevsky and Vsevolod Dolgorukov. The latter was a “former prince,” who possessed literary talents and was a member of the “Jacks of hearts” gang, which was involved in the “case of the Kumanin inheritance.” He first became the prototype of the characters of the novel *The Raw Youth*, and then an epigone of its author. After sinking very low in his youth, he experienced a new life surge in Siberian exile, due to sincere repentance and moral purification. Correction and “restoration” of Vsevolod Dolgorukov is confirmed by his subsequent charitable and creative activities. Like Dostoevsky, he was the “Russian youth” type from a “random family,” which, along with the heroes of Dostoevsky’s novel Arkady Dolgoruky and Sergei Sokolsky, included the young Count Nagorov, the main character of the saga novel *Literary Bohemia* (1890) by Vs. Dolgorukov. The memoir notes of the “former prince,” who was twice stripped of his title, largely echo the notes of *The Raw Youth* in narrative and ideology due to the influence of Dostoevsky’s novel on Vs. Dolgorukov. It is also evidenced by his convict-themed short story *Mishka the Flea*, which is typologically similar to *Notes from the Dead House* and the Easter short story *The Peasant Marey*. Based on the above, the author concludes that Dostoevsky’s hope for an encounter of “Russian youths” with the Orthodox idea was embodied in the life and work of Vsevolod Dolgorukov.

Keywords: F. M. Dostoevsky, novel “The Raw Youth”, Vs. A. Dolgorukov, random family, hero, prototype, author-hero

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90013 Dostoevsky.

For citation: Borisova V. V. “The Former Prince” Vsevolod Dolgorukov as a Prototype and Reader of Dostoevsky’s Novel “The Raw Youth”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 149–167. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5242 (In Russ.)

Актуальной проблемой изучения романа «Подросток» на современном этапе является его рецепция. До сих пор он остается наименее популярным и самым «непрочитанным» романом «великого пятикнижия» Достоевского, хотя типологически из него не выбивается (см. об этом: [Шаулов: 106]). Но, как точно заметил немецкий ученый Х.-Ю. Геригк, «художественное достижение такого уровня может и подождать, пока публика созреет для него» [Геригк: 197].

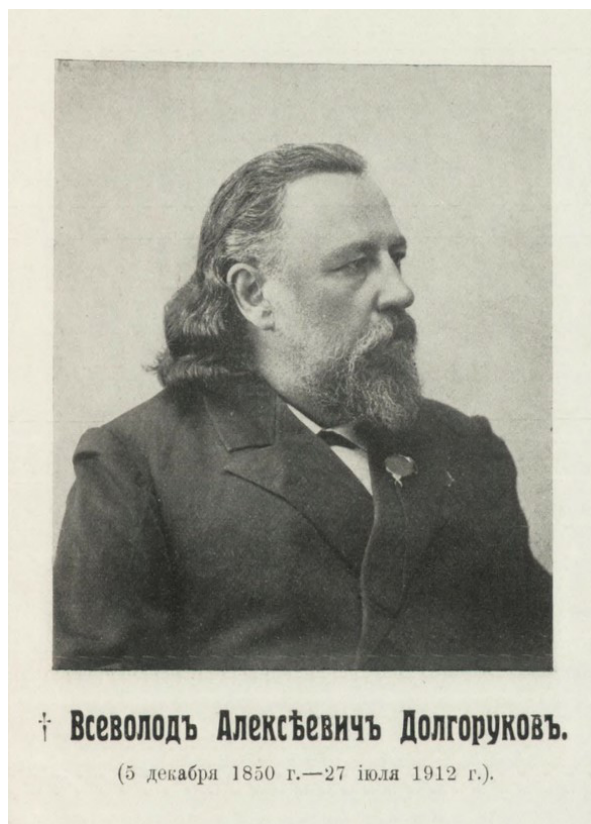
Каковы, тем не менее, причины «рецептивной неудачи» романа «Подросток»? Одно из возможных объяснений: он не в полной мере вписан в биографический, реальный и историко-функциональный контекст своей

творческой истории. Возможности его комплексного комментария в этом плане отчасти раскрыты в нашей статье «Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского “Подросток”, посвященной выявлению авторской контаминации историко-биографического нарратива и литературной традиции, причудливым образом наложившихся друг на друга (см.: [Борисова, Шаулов: 149–165]).

Образец подобного сопряжения представила Достоевскому сама жизнь, в которой, например, французская сага о Рокамболе послужила моделью поведения для российских «червонных валетов». Один из последних вначале стал прототипом героев романа «Подросток», а затем эпигоном его автора.

Речь идет о князе Всеволоде Алексеевиче Долгорукове (Долгоруком), который родился в Петербурге, по одним источникам — 6 (18) октября 1845 г. [Мельцин, 1997: 139; 2007: 257], по другим — 5 (17) декабря 1850 г. [Всеволод Алексеевич Долгоруков] и скончался в Томске 27 июля (9 августа) 1912 г. Проблема в том, что не все факты его биографии согласуются с указанными датами рождения, хотя сам он писал о том, что 16-летним юношей после трех лет учебы был выпущен из Морского кадетского корпуса¹, в который поступил в 1857 г.² Но и 1850 год рождения Вс. Долгорукова подтверждается документальными сведениями, приведенными, в частности, в сборнике материалов о нем [Всеволод Алексеевич Долгоруков]. Это, прежде всего, некрологи, опубликованные в сибирских газетах, и сведения из Томского некрополя³. Безусловную значимость для установления года рождения Вс. Долгорукова имеют документы из Государственного архива Томской области, в частности ходатайство томского губернатора И. И. Красовского о восстановлении гражданского статуса Вс. Долгорукова в 1885 г.: «...Долгоруков, 35 лет (выделено мной. — В. Б.), поведения хорошего, занимается сотрудничеством в разных периодических изданиях, семейства при себе не имеет, податной недоимки за ним не числится, под судом и следствием в Сибири не состоял и не состоит. При этом Губернское правление имеет честь доложить, что ввиду одобрительного поведения Долгорукова правление находит со своей стороны ходатайство его, Долгорукова, о возвращении утраченных им по суду прав и преимуществ заслуживающим удовлетворения, если не получит к этому препятствием краткость времени, проведенного им в ссылке...»⁴.

Кроме того, в документах Мариинской городской управы имеется паспортная характеристика Долгорукова на 1896 г.: «Приметы: лета — 46. Рост — 2 аршина 6 вершков <...>. Волосы и брови — темнорусые, глаза — серые. Нос обыкновенный. <...> Подбородок — лицо — чистые. Особые приметы — нет»⁵. Еще одно свидетельство, указывающее на рождение Долгорукова в 1850 г., приведено в издании Е. М. Баранцевича, посвященном его памяти⁶. В нем размещена фотография В. А. Долгорукова, под которой указаны даты его жизни: «5 декабря 1850 — 27 июля 1912».



Илл. 1. Фото Вс. А. Долгорукова из книги Е. М. Баранцевича «Страничка благотворительной деятельности (из жизни Томского патроната)» (Томск, 1913)

Fig. 1. Photo of Vs. A. Dolgorukov from the book by E. M. Barantsevich “A page of charitable activities (from the life of the Tomsk Patronage)” (Tomsk, 1913)

Столь же двойственен княжеский статус Вс. Долгорукова, при рождении принадлежавшего к старшей ветви князей Долгоруковых⁷. Его дед, князь Владимир Иванович Долгоруков, в 1810–1825 гг. был издателем «Московских Ведомостей». Отец, князь Алексей Владимирович, как пишет М. О. Мельцин, «представлял собой личность достаточно оригинальную»⁸. По определению Святейшего синода от 31 августа 1851 г., рассматривавшего дело о двоебрачии кн. Алексея Владимировича Долгорукова, его второй брак был признан недействительным⁹. В результате сыновья Алексея Владимировича от второго брака Всеволод и Глеб княжеский титул утратили, хотя 28 августа 1857 г. в Морской кадетский корпус Всеволод был зачислен как князь¹⁰, а в изданной в 1869 г. биографии своего рода «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские» представил себя: «уважающий потомокъ *Князь Всеволодъ Долгорукой*»¹¹. При этом отец его А. В. Долгоруков, лишенный за

двоеженство всех прав и преимуществ, и прежде всего княжеского титула, в конце 1863 г. был приговорен к ссылке в одну из отдаленных российских губерний с наложением епитимьи на 7 лет и помилован только в конце 1872 г.¹² К этому времени и сын его Всеволод во второй раз утратил титул князя. Не сделав карьеры морского офицера, он с 1864 г. занимался мелким литературным трудом и мошенничеством. В 1870 г., по приговору Санкт-Петербургского окружного суда от 27 февраля согласно ст. 2.19.3 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (1845), он был признан виновным «в мошенничестве, лишен всех особенных прав состояния» и после полуторамесячного тюремного заключения выслан из столицы в ссылку в город Ефремов Тульской губернии, превратившись, таким образом, в «ефремовского мещанина».

Эта эффектная перверсия имен и «положений» — *князь Долгоруков / мещанин Долгоруков*, судя по всему, навела Достоевского на мысль дать созвучную фамилию 19-летнему Подростку, чтобы подчеркнуть двойственность его социального статуса и происхождения:

- «— Как твоя фамилия?
- Долгорукий.
- Князь Долгорукий?
- Нет, просто Долгорукий.
- А, просто! Дурак.

И он прав: ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем»¹³.

Таким «мнимым», точнее, «бывшим князем» оставался и Всеволод Долгоруков, повторив судьбу отца. Незаконно используя княжеский титул и фамилию¹⁴, выдавая себя за богатого человека, владеющего большими имениями, Долгоруков вместе с подельниками заключал займы, подписывал векселя, по которым был не в состоянии платить, выманивал под видом покупки в кредит разное движимое имущество. Уверяя в своей состоятельности лиц, с которыми он вступал в мошеннические сделки, использовал печатные бланки «Главной конторы князя Всеволода Алексеевича Долгорукова» и т. п. В это время Долгоруков уже принадлежал к шайке «червонных валетов», члены которой были замешаны в многочисленных аферах, в том числе и в «деле о куманском наследстве». В 1871 г. он снова был привлечен к суду как ее активный участник, ожидая решения своей участи в Бутырской тюрьме, и 8 февраля — 5 марта 1877 г. предстал перед Московским окружным судом с участием присяжных заседателей, не делавших снисхождения ни сану, ни сословию, ни возрасту. Среди 48 обвиняемых под номером 16 он числился как «бывший князь Всеволод Алексеевич Долгоруков»¹⁵. Примечательно, что, уже находясь в Сибири, он, как и отец, дождался от Государя амнистии (7 января 1898 г.), но неполной: «...разрешить

Мариинскому мещанину Всеволоду Алексею Долгорукову повсеместное в Империи жительство, с восстановлением утраченных им по суду прав и преимуществ, *кроме княжеского титула и прав дворянского достоинства* (курсив мой. — В. Б.)»¹⁶.

На суде адвокат А. С. Гольденвейзер представил документы, дающие «ключ к разгадке его личности»: выдержки из переписки Долгорукова с другом юности писателем Немировым. В одном из писем молодой «князь» с грустью вспоминал о времени, проведенном в Петербурге, жалуясь на окружающее общество и на свое настроение, лишенное светлых идеалов и стремлений. Немиров, в свою очередь, в письме к защитнику сообщал:

«Въ то время, <...> когда я познакомился съ Всеволодомъ Алексѣвичемъ, около 1865 г., онъ былъ юноша, почти ребенокъ, ребенокъ добрый, весьма неглупый, симпатичный, вообще милый, хотя съ перваго же взгляда было замѣтно — ребенокъ балованный. Натура талантливая въ немъ проглядывала очевидно, но къ сожалѣнію онъ слишкомъ разбрасывался. Характера, выдержки въ немъ не было вовсе, а увлеченія на каждомъ шагу... <...> изъ нашего кружка (он перешел. — В. Б.) въ общество людей, которые для насъ не представляли ничего симпатичнаго и которые едва-ли могли имѣть доброе вліяніе на Долгорукова. Послѣ того времени я долго не видался съ нимъ, до тѣхъ поръ, когда, года, кажется, чрезъ три, получилъ отъ него вышеозначенное письмо. Я былъ у него по этому письму тотчасъ же, засталъ у него 6 или 7 какихъ-то личностей, мнѣ совершенно до того времени незнакомыхъ. Не понравились они мнѣ, да и князю они, очевидно, не были симпатичны. Несмотря на окружавшую его тогда среду я не замѣтилъ въ Долгоруковѣ особенныхъ перемѣнъ. Это былъ все тотъ же милый, благородный, очень добрый, живой, но совершенно безхарактерный юноша...»¹⁷.

Долгоруков был приговорен к ссылке в Томскую губернию и последовал по этапу в Сибирь. Ему не простили того, что, участвуя в аферах «червонных валетов», он выдавал себя за племянника московского генерал-губернатора Владимира Андреевича Долгорукова.

Из подготовительных материалов к роману «Подросток» («Заметки, планы, наброски»). Январь — ноябрь 1875 г.) видно, что впервые фамилия *Долгорукий* появляется в рукописи Достоевского 20 сентября:

«Чего ж, имя хорошее, — сказала тетка. — Макар Ива<нов> Долгорукий. С чего он носит это громкое имя?» — «Не знаю, и знать не хочу». — «Ты, кажется, русскую историю любишь»» (Д30; 16: 149–150).

Таким образом, громкой «исторической» фамилией писатель наделил вначале юридического отца Аркадия, а последнего позже, 6 октября, тоже наконец назвал Долгоруким. В дальнейшем тексте Подросток уже прочно ассоциируется с князем Долгоруким (Д30; 16: 190–191, 301, 304, 336, 392).

В окончательной редакции романа в самом начале своих «записок» Подросток представляется:

«Фамилия моя Долгорукий, а юридический отец мой — Макар Иванов Долгорукий, бывший дворовый господ Версиловых» (ДЗ0; 13: 6).

Так потомок древнейшего княжеского рода, оказавшийся на скамье подсудимых, стал под пером Достоевского прототипом «детей» из «случайных семейств». Это и молодой князь Сокольский, который говорит о себе: «... всё кончено и последний из князей Сокольских отправится в каторгу» (ДЗ0; 13: 248), — и Аркадий Долгорукий (см.: [Борисова, Шаулов: 153]). Авторская контаминация черт прототипа в обоих образах обусловлена, на наш взгляд, их принадлежностью к одному типу «героя времени», о котором пронизательный читатель «записок» Подростка Николай Семенович сказал: «И таких, как вы, юношей немало...» (ДЗ0; 13: 453).

Об этом говорит и князь Сергей Сокольский: «Нас с вами постигла обоюдная русская судьба, Аркадий Макарович: вы не знаете, что делать, и я не знаю, что делать» (ДЗ0; 13: 246). Поначалу обоих героев объединяла надежда на возрождение к новой жизни, о которой мечтал «князь Сережа»: «Я хочу разорвать, разорвать со всем теперешним окончательно! Всё другое, всё по-новому!»; «Я дал себе слово переделать себя, переломить жизнь...» (ДЗ0; 13: 245, 246), однако «переделать себя», в отличие от своего прототипа, он не смог.

В биографии же «реального» Долгорукова падение на дно жизни в молодые годы сменилось новым жизненным взлетом в Сибири, обусловленным искренним раскаянием, нравственным очищением, долгим и упорным трудом в сферах журналистики, литературы, юриспруденции. Исправление и «восстановление» Всеволода Долгорукова подтверждается его благотворительной и творческой деятельностью.

В Сибири Долгоруков был членом множества благотворительных томских обществ, которые часто учреждались при его непосредственном участии: это «Общество попечения о начальном образовании», «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек читален в Томской губернии», «Общество взаимопомощи книгопечатников», Томское отделение Императорского Русского музыкального общества, Томское общество охотников конского бега, Томское благотворительное общество, Томское общество любителей художеств и др. Долгоруков также был членом и секретарем Томского общества «Патронат», которое покровительствовало лицам, освобожденным из мест заключения, членом Томского отдела Российского общества Красного Креста, Томского отдела Российского общества покровительства животным и организованного при нем общества «Майский союз», Томского общества защиты женщин «Пчельник» и почетным членом Томского общества «Ясли», попечителем церковно-приходской школы при Никольской церкви. Помогая этим обществам из личных средств, Долгоруков

не афишировал свою благотворительную деятельность. Так, «школа при Никольской г. Томска церкви содержалась въ теченіе десяти лѣтъ на его средства, причѣмъ воспитанникамъ, до двадцати лицъ, онъ выдавалъ и на завтраки. Послѣдняя его благотворительность стала извѣстна обществу лишь изъ талантливаго надгробнаго слова священника Воскресенской церкви о. Ѳедора Смирнскаго въ день похоронъ»¹⁸.

Достоевский умер, когда у «бывшего князя» Долгорукова началась новая жизнь. Осужденный и сосланный в Сибирь в 1879 г., в столицу он уже не вернулся, хотя в 1893 г. получил право выезда из Томска. Здесь он прожил всю оставшуюся жизнь, работал в качестве частного поверенного в окружном суде, умер в 1912 г. и с почестями был похоронен на Воскресенском кладбище.

Приехав в Сибирь с репутацией «высокородного мошенника», ссыльно-го по делу о «червонных валетах», в результате многолетней «самовыделки» он сумел доказать свою нравственную и профессиональную состоятельность. Заслуга В. А. Долгорукова состоит в том, что он не сломился под трудными жизненными обстоятельствами и показал пример исправления личности. Вслед за главным героем романа Достоевского он мог бы сказать: «...многое утекло с тех пор, многое совсем изменилось, а для меня давно уже наступила новая жизнь...» (Д30; 13: 445).

О наступлении новой жизни свидетельствуют литературные труды Долгорукова. Сохранилось любопытное свидетельство А. Г. Ковнера, оказавшегося с ним в одной этапной партии во второй половине 1879 г.: «...онъ былъ довольно литературно образованный человѣкъ и обладалъ порядочнымъ поэтическимъ талантомъ»¹⁹. Словесность привлекала Долгорукова с раннего возраста: будучи юным кадетом Морского корпуса, он стал одним из авторов и составителей «Литературного сборника произведений русско-го юношества с карикатурами» (1861)²⁰, а спустя 11 лет составил путеводитель по окрестностям Москвы²¹.

Снова к литературной деятельности Всеволод Долгоруков вернулся в томской ссылке. Здесь бывший «червонный валет» под псевдонимом «Всеволод С<ибирск>ий» стал сочинять религиозные стихи, проникнутые искренним пасхальным чувством:

«Но все-жь, порой, среди растлѣнья,
Въ насъ чувства добрыя встають
И зло стряхнуть съ себя зовуть...
Такъ будемъ свѣтлыя мгновенья
Ловить, чтобъ кликъ “Христоръ воскресъ!”
Для насъ безслѣдно не исчезъ.

Всеволодъ С—ій. Воскресенья день!»²²

Судя по всему, именно сочинительство удержало и спасло его, как и «подростка» Аркадия, от окончательного падения, обеспечив духовное самоисцеление. К обоим можно отнести слова Николая Семеновича:

«...И никогда не могли вы <...> употребить с большею пользою ваш временный досуг, как теперь, написав эти ваши “Записки”! Вы дали себе, так сказать, сознательный отчет о первых, бурных и рискованных, шагах ваших на жизненном поприще. Твердо верю, что сим изложением вы действительно могли во многом “перевоспитать себя”, как выразились сами» (Д30; 13: 452).

Так, во второй половине жизни Долгоруков стал «сочинителем», описавшим путь героя-«подростка» в автобиографическом романе-хронике «Литературная богема». Н. В. Жиликова отнесла это произведение к жанру «газетного романа» [Жиликова: 63], поскольку он печатался в газете «Сибирский Вестник»²³. Из редакторских примечаний явствует, что роман состоит из трех частей. Первая часть названа «В житейском омуте», вторая — «Мишура и грязь», и в ней автор вводит читателя в два мира: высшего петербургского и московского обществ и мир разных прожектёров и аферистов. Третья часть называется «Тюрьма и край неволи». Роман охватывает 1860-е гг. в первой части и 1870-е — в остальных²⁴. Заявленные к напечатанию вторая и третья части в итоге не были опубликованы²⁵.

В романной хронике, сюжет которой в целом совпадает с биографией самого Долгорукова, описывается судьба петербургского графа Алексея Петровича Нагорова, 19-летнего литератора, печатающегося в разных журналах и газетах. Воспользовавшись его материальными и матримониальными затруднениями, мошенники втягивают графа в уголовную авантюру.

Н. В. Жиликова, отметив жанровые особенности этого произведения Вс. Долгорукова как авантюрно-криминального и автобиографического романа, не обратила внимание на его связь с другим автобиографическим текстом ссыльного писателя. Имеется в виду его исповедь, включенная в историко-биографическую книгу «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские», изданную в 1869 г. с предисловием, послесловием и примечаниями Вс. Долгорукого. Охваченный чувствами чести и стыда одновременно, он пишет:

«По истинѣ, жалкую картину представляетъ, въ настоящее время, положеніе древнихъ русскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Раззоренныя, чрезъ различныя неблагопріятныя имъ обстоятельства, или раззорившіяся, чрезъ мотовство, — онѣ — покрайней-мѣрѣ, большинство ихъ, — утратили нынѣ то значеніе, какое имѣли въ Россіи прежде. Безъ вѣса въ государственныхъ дѣлахъ, безъ кредита, — онѣ являются жалкими дѣтьми славныхъ нѣкогда отцевъ ихъ!

Всѣ значительныя, по древности, русскія фамиліи — съ весьма малыми средствами, едва достаточными для ихъ безбѣднаго существованія;

а иныя — и безъ всякихъ средствъ; принуждены чуть не идти по-міру, или пускаться въ различныя, сомнительной честности, предпріятія; принуждены — не способныя къ честному труду — дружитья съ шулерами и мошенниками и, не добросовѣстными путями, добывать себѣ насущный хлѣбъ»²⁶.

Далее, предчувствуя свою судьбу, Долгоруков добавляет:

«Наша молодежь — т. е. та, которая, по происхожденію, можетъ быть причислена къ, такъ называемому, высшему свѣту — въ долгу какъ въ шелку, находится въ рукахъ самыхъ наглыхъ ростовщиковъ... Кредитъ для нея не существуетъ, да въ Россіи и никому, вообще, не дѣлается правильный кредитъ... Векселя нѣкоторыхъ лицъ, имѣющихъ значительное состояніе, ходятъ по 35 % за рубль... Вообще, заемъ по 20 % — 25 % за рубль, между нашею молодежью, считается еще хорошимъ... Многихъ изъ насъ ожидать одно въ перспективѣ: домъ неисправныхъ должниковъ, а съ нимъ, конечно, потеря карьеры, словомъ — *всего*, и гибель...»²⁷.

Через год после выхода этой книги Вс. Долгоруков действительно оказался на скамье подсудимых, скомпрометировав свой знаменитый род, о котором в 1869 г. писал С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен»²⁸. Это сочинение Достоевский хорошо знал и чрезвычайно ценил²⁹. Кроме того, в 1870 г. была опубликована работа «Судьба князей Долгоруких при императрице Анне» в журнале «Заря»³⁰. С литературным и политическим журналом В. В. Кашпирева Достоевский сотрудничал, опубликовав в 1-м и 2-м номерах за 1870 г. свой рассказ «Вечный муж». Учитывая эти обстоятельства, как полагала Г. Я. Галаган, бывший «князь из потомков Рюрика» не мог для Достоевского остаться незамеченной фигурой (ДЗ0; 17: 309–310).

Из подготовительных материалов к роману «Подросток» видно, как шла разработка образа молодого князя, в котором соединились «все низости падения» и «все ощущения “высокой мысли”» (ДЗ0; 16: 278). Изначально он наделен комплексом «ущемленности» от того, что олицетворяет собой «срам фамилии», «Рюриковского рода» (ДЗ0; 16: 222, 299). Примечательны характеристики князя, данные в планах и набросках к роману: «недостойный потомок рода» (ДЗ0; 16: 267), который, однако, «безмерно смотрит на свое рождение» (ДЗ0; 16: 241). В нем сильно желание «восстановить свое имя» (ДЗ0; 16: 241) — «Тогда я настоящим князем буду» (ДЗ0; 16: 242) и т. п.

Думается, исповедь Вс. Долгорукова, включенная им самим в родовую биографию, проливает свет и на роман «Подросток», и на роман «Литературная богема». Как бы в тандеме с Аркадием Долгоруким, воскликнувшим: «...я начинаю теперь историю моего стыда и позора, и ничто в жизни не может для меня быть постыднее этих воспоминаний!» (ДЗ0; 13: 163) — Всеволод Долгоруков, исповедуясь, пишет:

«Тяжело вспоминать о тѣхъ ошибкахъ юности, о тѣхъ увлеченіяхъ; какія выпали и на мою долю, которыя привели меня къ самымъ грустнымъ, къ самымъ нерадостнымъ обстоятельствамъ...

16-лѣтнимъ юношей выпущенный изъ корпуса, — я вступилъ въ жизнь, не зная ее совершенно, не имѣя никого, кто-бы поддержалъ меня нравственно, кто-бы могъ руководить моими дѣйствіями, на первыхъ порахъ, на жизненномъ пути...»³¹.

В этом плане мемуарные записки бывшего князя перекликаются с «записками» Подростка:

«Входя в дверь моего петербургского романа со всеми позорными моими в нем приключениями, я нахожу это предисловие необходимым» (ДЗ0; 13: 65).

Следует отметить жанровое и повествовательное сходство текстов Достоевского и Долгорукова, в которых представлен «подвиг исповеди». «Подросток» написан в форме публичной исповеди, переходящей в показание (см.: [Степанян: 287]), максимально адекватно передающей процесс духовного преображения героя. В исповеди Вс. Долгорукова событийный ряд также воспроизводится от первого лица:

«Попавъ, стеченіемъ различныхъ обстоятельствъ, въ кругъ людей пустыхъ, у которыхъ всѣ цѣли въ жизни заключались въ томъ, чтобъ хорошо поѣсть да попить, — я невольно поддался нѣсколько вліянію этой растлѣвающей среды... Я падалъ все ниже и ниже — и не было никого, кто-бы остановилъ меня въ этомъ паденіи; — кто-бы подалъ мнѣ руку и указалъ путь болѣе честный, болѣе разумный, чѣмъ тотъ, по которому я шель... Запутанный комиссіонерами (факторами), я вошелъ въ долги — цифра послѣднихъ, день-за днемъ, возростала, кредиторы стѣсняли меня: не давали мнѣ свободно дѣйствовать, мыслить... я былъ рабъ ихъ — хуже, чѣмъ крѣпостной человѣкъ... Съ меня они тащили послѣднее — брали что могли, послѣдній рубль шель имъ, и между-тѣмъ, — долги не уменьшались: что съ меня было взято, — шло за проценты, а капитальная сумма съ первоначальными процентами оставалась все таже!..

Занимая деньги, я принужденъ былъ входить въ сношеніе съ разными жалкими, пошлыми личностями... Оговоръ одного изъ такихъ — привелъ меня къ аресту, къ суду...»³².

В романе Долгорукова «Литературная богема» форма повествования от первого лица сменяется безличным повествованием о «типичном» представителе дворянской молодежи конца 1860-х — начала 1870-х гг., чем обусловлено историческое и автобиографическое содержание хроники, отмеченное печатью эпохи, субъектом и объектом которой стал сам автор. И хотя по сравнению с «Подростком» хроника Вс. Долгорукова представляет собой

бульварный криминальный роман с морализаторским пафосом (интрига из авантюрно-криминальной сферы не переходит в нем в плоскость психологии героя и философии автора), типологическое сходство обоих произведений несомненно, что подтверждается аналогией в сюжете и воспроизведением типа «русского подростка» из «случайного семейства», к которому относятся как молодой князь Сокольский и Аркадий Долгоруков, так и граф Нагоров, герой Вс. Долгорукова.

Аркадий, отмечая «возможность уголовщины» в делах князя Сергея, пишет, что на него имел «страшное влияние» «один поганец — одним словом, одно мерзейшее существо <...> Стебельков», «мошенник» (ДЗ0; 13: 199, 248). Примечательно признание самого князя: «...я потерял в последние три недели столько денег, и этот мерзавец Стебельков берет такие проценты...» (ДЗ0; 13: 180). В конечном счете ростовщик заманил Сергея Сокольского как своего должника в аферу с фальшивыми акциями железной дороги.

В романе Долгорукова обнаруживается прямая сюжетная параллель: мошенники Теребриков и Огурчиков так же вовлекают 19-летнего Нагорова в историю с фальшивыми векселями: «Видите, ваше сиятельство, <...> есть выгодное дѣльце... неуждно ли вамъ, графъ, денегъ за небольшую комиссію»³³. Предвидя обман, Нагоров говорит: «А если не женюсь на богатой и наслѣдство не получу, чѣмъ тогда заплачу долгъ? Въ тюрьму придется сѣсть?»³⁴ И все же, надеясь получить наследство бабушки по матери, он соглашается ради спасения умирающей от чахотки возлюбленной на все условия ростовщика Огурчикова, с которым свел его Теребриков, и подписывает векселя якобы под поручительство богатых родственников, сведения о которых аферисты добыли заранее. Затем, под угрозой ареста, тюрьмы и подачи уголовной жалобы об обмане, ему пришлось подписать еще один вексель. «Господи! <...> что дѣлать? 7000 рублей долгу на шеѣ и впереди ничего вѣрнаго», — восклицает герой в отчаянии³⁵.

Являются ли подобные переключки, кроме того, что они обусловлены типичными ситуациями русской действительности, еще и следствием воздействия «автора» на «героя»: читал ли Долгоруков роман Достоевского «Подросток»? Известно, что Долгоруков был начитанным литератором и журналистом, много лет вел отдел библиографии «Литературная беседа» в сибирских журналах и газетах. Следование Достоевскому видно и в публицистической деятельности Долгорукова, который, публикуя в «Сибирском Вестнике» собственное «обозрение русской жизни», знакомил читателей с ее «курьезами» («Я не считаю себя вправѣ миновать ихъ и знакомя съ ними читателей, такъ какъ они тоже представляютъ характеристику нѣкоторыхъ сторонъ нашей жизни»³⁶), причем затрагивал злободневные социальные темы, связанные с различного рода преступлениями, пьянством в народе, положением переселенцев Сибири и т. п., показательные и для «Дневника Писателя».

Примером непосредственного влияния писателя-классика на беллетриста Вс. Долгорукова, писавшего в Томске под псевдонимом «Всеволодъ

Сибирскій», является, на наш взгляд, его произведение из цикла, названного самим автором «Из рассказов заключенного». Это рассказ «Мишка Блоха», судя по всему, написанный в духе «Записок из Мертвого Дома» и пасхального рассказа «Мужик Марей» Достоевского, в которых представлены колоритные народные типы: «Это был наш мужик Марей. <...> мужик лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в темно-русой окладистой бороде» (ДЗ0; 22: 48). В рассказе Долгорукова Мишка по прозвищу Блоха описан так: «...ражий дѣтина, косая сажень въ плечахъ, роста не менѣ 12 вершковъ, съ свѣтлыми волосами»³⁷.

Еще более очевидна параллель между образами Газина и каторжника в описании Долгорукова. О Газине рассказчик вспоминает, что «он производил на всех страшное, мучительное впечатление», «ничего не могло быть свирепее, чудовищнее его», никто «не производил <...> такого отвратительного впечатления, как Газин», про которого рассказывали, что он «любил прежде резать маленьких детей» (ДЗ0; 4: 40).

Аналогично представлен Мишка Блоха в рассказе Вс. Долгорукова: он «производилъ не то что-бы отталкивающее впечатлѣніе, а непріятное. Когда онъ взглядывалъ на васъ, вамъ невольно дѣбалось жутко. Онъ словно подавлялъ васъ своимъ взоромъ, и вы чувствовали угнетенное состояніе. Говорятъ — тоже самое чувствуютъ люди, когда неожиданно въ лѣсу встрѣчаются съ какимъ нибудь хищнымъ звѣремъ и, даже имѣя оружіе съ собой для защиты, первоначально теряются. <...> въ тюрьмѣ его всѣ боялись <...> как самага безсердечнаго жестокаго человѣка, не щадившаго никого, кто становился на его дорогѣ». Между арестантами он считался «самымъ жестокимъ и самымъ страшнымъ»³⁸. Среди его жертв был даже родной брат, из крестьян, имевший жену и двух детей-малолеток, которых Мишка Блоха хладнокровно задушил.

Истории обоих страшных каторжников также совпадают: они беглые, закоренелые преступники, не в первый раз сидящие в остроге и прошедшие всю Сибирь. Но если Газину Достоевский отказал в «восстановлении», то Долгоруков показал, как «въ человѣкѣ-звѣрѣ проснулись человѣческія чувства»³⁹. В окне противоположного острожного здания каторжник увидел маленькую девочку, лет 5 или 6, с белокурыми волосами, миловидную и изящную. «Когда Мишка Блоха взглянулъ на нее, — она, какъ будто, улыбнулась ему <...>. Такъ, по крайней мѣрѣ, это показалось Блохѣ. И Мишка Блоха сразу почувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то особенное, чего ранѣе никогда не было, — что онъ становится лучше, добрѣе»⁴⁰.

Объясняя подобное «преображение» русского мужика, Достоевский, как известно, связал его с любовью именно к маленьким детям-«ангелам»: «Любил он, что ли, так уж очень маленьких детей? Такие бывают» (ДЗ0; 22: 49). «Съ этихъ поръ Мишка Блоха сталъ не узнаваемъ. По цѣлымъ днямъ, какъ только было свободное время, Блоха простаивалъ передъ окномъ около своихъ наръ, ожидая появленія въ противоположномъ окнѣ малютки-дѣвочки, и какъ только она появлялась — все лицо его озарялось радостной

улыбкой <...> вся его любовь, вся привязанность сосредоточилась на малюткѣ...»⁴¹.

Как и у Достоевского, в произведении Долгорукова мотив встречи героя с ребенком дополняется мотивом его спасения. Во время пожара, случившегося в остроге, Мишка Блоха вынес из огня эту девочку и, получив «сильные обжоги», «через нѣсколько дней скончался въ больницѣ, находясь все время въ безпамятствѣ». «...Только передъ смертью Блоха пришелъ въ сознание и первымъ вопросомъ было: “здорова-ли дѣвочка?” Узнавъ, что она жива и невредима, онъ началъ умолять больничную сидѣлку привести къ нему дѣвочку, чтобы проститься съ ней... Желание несчастнаго бродяги было исполнено. Оля была приведена къ нему. Мишка Блоха взглянулъ на нее *сіяющимъ радостнымъ* взоромъ, — хотѣлъ что-то сказать, но не успѣлъ — и глаза его закрылись на вѣки...»⁴². Ср.: мужик Марей посмотрел на барчонка «*сіяющимъ <...> светлою любовью* взглядом» (ДЗ0; 22: 49; курсив в обеих цитатах мой. — В. В.).

Сходен христианский пафос обоих произведений, ярко выраженный в рассказе Достоевского: «...только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика...» (ДЗ0; 22: 49).

Итак, «учительное» влияние Достоевского на Долгорукова как на писателя и человека очевидно. Думается, связанный с ним историко-биографический и литературный контекст существенно расширяет масштаб восприятия романа «Подросток». Ориентиром в этом плане является реакция Николая Семеновича, который прочитывает «записки» Подростка как исторический документ, как «материал» времени и заключает: «Если бы я был русским романистом и имел талант...», — правда, затем он признается, что «не желал бы <...> быть романистом героя из случайного семейства!» (ДЗ0; 13: 453, 455).

Примечательно, что далее воспитатель Аркадия как alter ego автора излагает «философию», вполне близкую к тому, о чем писал сам Достоевский в «Дневнике Писателя», мечтая о воцарении «порядка» и «благообразия» в России. Не случайно в письме Николая Семеновича Аркадий Долгорукий находит «некоторый общий взгляд и как бы нечто разъяснительное» (ДЗ0; 13: 452).

Аналогичным суждением заканчивается и исповедь Всеволода Долгорукова:

«Я хотѣлъ исключить многія подробности изъ книги, какъ незанимательныя для большинства читающей публики; но оставилъ ихъ потому, что настоящее сочинение и все вообще имѣетъ интересъ, преимущественно, семейный <...> въ немъ, мѣстами, затрогиваются, болѣе, или менѣе, важныя событія, совершавшіяся въ Россіи, и, слѣдовательно, представляющія интересъ общій...»⁴³.

За этим «общим взглядом» и «общим интересом», объединившим Достоевского и Вс. Долгорукова, стоит прежде всего общественно-типическое, но не только это. В свое время Д. П. Бак в рецензии на книгу И. Паперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма» задал вопрос, который, на наш взгляд, вполне может быть отнесен к В. А. Долгорукову: «Каким образом тот или иной частный человек, с его сугубо индивидуальным жизненным опытом, сложившимся набором склонностей и привычек, извлекает из окружающей реальности и признает своими вполне определенные (а не иные, не произвольные) ценности и культурные жесты? И какую роль в этом сложнейшем перетекании личностного в социально-характерное и обратно играет литература?» [Бак: 231].

Напрашивается ответ о синтезе литературы и жизни, их двойной экспансии: жизни — в литературу и литературы — в жизнь, результатом чего в данном случае стала творческая трансформация личностного и исторического опыта «героев времени» в романе «Подросток», который повлиял на литературный и духовный опыт Вс. Долгорукова как читателя и писателя. Произошел «круговорот» литературы и жизни, в котором под пером Достоевского Долгоруков стал прототипом героев романа «Подросток» и, как бы приняв эстафету от Аркадия Долгорукова, в свою очередь предстал «героем-сочинителем» (см. об этом типе: [Сараскина: 99–130]).

В свете проблемы подобных взаимоотношений искусства и действительности Достоевский не раз подчеркивал необходимость «романизации» жизненных впечатлений в литературном произведении⁴⁴. Так, в письме С. А. Ивановой из Флоренции от 25 января (6 февраля) 1869 г. он отмечал:

«Мне непременно надобно воротиться в Россию; здесь же я потеряю даже возможность писать, не имея под руками всегдашнего и необходимого материала для письма, — то есть русской действительности (дающей мысли) и русских людей» (Д30; 29₁: 11).

С другой стороны, Достоевский имел в виду и «практическое» воздействие своего романа на жизнь, о чем свидетельствует его замысел, который был связан с надеждой писателя на встречу «русских подростков» с православной идеей. Не случайно фамилией «раскняженного» князя в романе писателя наделен и старец Макарь Долгорукий, олицетворяющий все лучшее в русском народе и ставший истинным духовным отцом Аркадия.

Примечания

- ¹ Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские (С приложением статьи «О происхождении первых русских князей: Рюрика, Синеуса и Трувора», портрета князя Якова Федоровича Долгорукого и гербов рода: князей Долгоруких и ДолгорукихАргутинских) / изд. под ред. и ответ. князя Всеволода Долгорукого; предисл., послесл. и примеч. кн. Вс. Долгорукого. СПб.: В тип. Ю. Штауфа, 1869. Ч. 1. [2], XII, 207 с., 2 л. ил., 1 л. схем. С. 174 (Далее: *Долгорукие*).
- ² Некоторые источники указывают годом рождения также 1847-й (возможно, смешивая в данном случае Всеволода с его младшим братом Глебом). См., например, в пояснительной надписи князя А. Б. Лобанова-Ростовского (январь 1871 г.) на экземпляре книги «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские», хранящемся ныне в библиотеке Пушкинского Дома: «Краткая биография автора купленной тобою книги: Князь Всеволод Алексеевич Долгорукий, 23 лет...» (*Д30*; 17: 309).
- ³ Долгоруков Всеволод Алексеевич // Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939 / сост. и ред. Н. М. Дмитриенко. Томск, 2001. С. 141–142; портр. (на с. 141).
- ⁴ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 1782. Л. 4, 4 об.; опубликовано: [Всеволод Алексеевич Долгоруков: 43–44].
- ⁵ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 об.; опубликовано: [Всеволод Алексеевич Долгоруков: 46].
- ⁶ Баранцевич Е. М. Страничка благотворительной деятельности (из жизни Томского патроната). Томск: Тип. Дома трудолюбия, 1913. 49 с.
- ⁷ Достоверную биографию В. А. Долгорукова, основанную на документальных источниках, представил историк М. О. Мельцин [Мельцин, 2007].
- ⁸ См.: [Мельцин, 2007: 257].
- ⁹ М. О. Мельцин ссылается на Определение Святейшего синода от 31.08.1851 // РГИА. Ф. 797. Оп. 14. Д. 34701. Л. 37–42 [Мельцин, 2007: 258, 262].
- ¹⁰ См. найденный М. О. Мельциным документ: Формулярный список воспитанника Морского кадетского корпуса князя Всеволода Долгорукова, переведенного по распоряжению начальства по высочайшему повелению во флот юнкером, от 25.04.1863 // Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 432 (Морской кадетский корпус). Оп. 1. Д. 4747; о переводе пяти воспитанников Морского кадетского корпуса, по невыдержании экзамена в гардемарины, во флот юнкерами — л. 20 об. [Мельцин, 2007: 258, 263].
- ¹¹ См.: *Долгорукие*: [2].
- ¹² См.: [Мельцин, 2007: 258].
- ¹³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. С. 7. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- ¹⁴ См. сведения Российского родословного фонда [Электронный ресурс]. URL: <https://rgfond.ru/person/6890>.
- ¹⁵ Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века: сб. / сост. И. Потапчук; предисл. С. А. Андреевского. Тула: Автограф, 1997. С. 159.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 6; опубликовано: [Всеволод Алексеевич Долгоруков: 63].
- ¹⁷ Клуб червонных валетов: уголовный процесс. М.: Н. Н. З., 1877. С. 374–375 [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=189>. См. также: Русские судебные ораторы...

- 18 Баранцевич Е. М. Страничка благотворительной деятельности. С. 14–15.
- 19 А. К. [Ковнер А. Г.] Тюремные воспоминания // Исторический вестник. 1897. Т. 67. № 1. С. 177.
- 20 «Весь тираж был уничтожен по распоряжению корпусного начальства, единственный сохранившийся экземпляр хранится в Российской национальной библиотеке в Петербурге» (см.: [Мельцин, 2007: 258–259, 263]).
- 21 Путеводитель по Троицко-Сергиевой Лавре, Вифании, Гефсиманскому скиту и другим примечательным монастырям, а также селениям, близь Москвы лежащим / [сост. В. Долгой]. М.: Изд-е редакции «Путеводителя по России» (В. Г. кн. Долгорукого и В. И. Анофриева), 1872. 104 с. (книга подписана псевдонимом).
- 22 Сибирский Вестник. 1890. № 38. 1 апреля. С. 1.
- 23 Там же. № 67. 15 июня. С. 2–3; № 69. 20 июня. С. 2–3; № 72. 27 июня. С. 2–3; № 75. 4 июля. С. 2–3; № 78. 11 июля. С. 1–2; № 81. 18 июля. С. 1–3; № 84. 25 июля. С. 1–2.
- 24 Там же. № 67. 15 июня. С. 2–3.
- 25 Там же. № 84. 25 июля. С. 1–2.
- 26 См.: *Долгорукие*: III–IV.
- 27 Там же. С. VI.
- 28 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1869. Т. 19. 840 с.
- 29 Об этом см., напр., письмо Ф. М. Достоевского к Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. (Д30; 30; 212).
- 30 Судьба князей Долгоруких при императрице Анне // Заря. 1870. № 6. С. 152–170; № 7. С. 171–193.
- 31 См.: *Долгорукие*: 174.
- 32 Там же. С. 174–175.
- 33 Сибирский Вестник. 1890. № 72. 27 июня. С. 2–3.
- 34 Там же.
- 35 Там же. № 84. 25 июля. С. 1–2.
- 36 Там же. № 111. 28 сентября. С. 2.
- 37 Сибирский наблюдатель. 1902. Кн. 1. С. 23.
- 38 Там же. С. 25.
- 39 Там же. С. 25.
- 40 Там же. С. 26.
- 41 Там же. С. 26.
- 42 Там же. С. 27–28.
- 43 См.: *Долгорукие*: 175.
- 44 См. об этом: [Захаров: 404].

Список литературы

1. Бак Д. П. «Реалисты» // Новый мир. 1997. № 2. С. 230–232.
2. Борисова В. В., Шаулов С. С. «Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 149–165 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1602588705.pdf (10.12.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781
3. Всеволод Алексеевич Долгоруков: сб. материалов / Том. обл. универ. науч. б-ка им. А. С. Пушкина; [сост.: В. М. Костин, А. В. Яковенко; ред. С. С. Быкова]. Томск: [б. и.], 2013. 239 с.

4. Геригк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Нестор-История. 2016. 320 с.
5. Жилиякова Н. В. Зарождение, развитие и специфика жанра романа в томской периодике (конец XIX — начало XX века) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 63–71.
6. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
7. Мельцин М. О. «Крымская» ветвь князей Долгоруковых в XIX — XX вв. // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 9. С. 139–160.
8. Мельцин М. О. Автор одного из первых путеводителей по Новгороду // Новгородика-2006: материалы международной науч. конф. Великий Новгород, 2007. С. 257–264.
9. Сараскина Л. И. Слово звучащее, слово воплощенное (Сочинители в произведениях Достоевского) // Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 99–130.
10. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб., 2010. 400 с.
11. Шаулов С. С. «Куманинское дело» и роман «Подросток»: рецептивный аспект // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 105–116 [Электронный ресурс]. URL: [dostmirkult.ru/images/2020-4/DOST_2020-412-INTERN-107-118.pdf](https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-105-116) (10.12.2020). <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-105-116>

References

1. Bak D. P. “Realists”. In: *Novyy mir*, 1997, no. 2, pp. 230–232. (In Russ.)
2. Borisova V. V., Shaulov S. S. “The Jack of Hearts Club” in F. M. Dostoevsky’s Novel “The Raw Youth”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 149–165. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1602588705.pdf (accessed on December 10, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781 (In Russ.)
3. *Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: sbornik materialov [Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: Collection of Materials]*. Tomsk, 2013. 239 p. (In Russ.)
4. Gerigk Kh.-Yu. *Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razvitii. Ot «Zapisok iz Mertvogo doma» do «Brat'ev Karamazovykh» [Dostoevsky's Literary Skills in Development. From the “Notes from a Dead House” to “The Brothers Karamazov”]*. St. Petersburg, The Pushkin House Publ., Nestor-Istoriya Publ., 2016. 320 p. (In Russ.)
5. Zhilyakova N. V. Origin, Development and Specificity of the Genre of the Novel in Tomsk Periodicals (Late 19th — Early 20th Century). In: *Sibirskiy filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2016, no. 1, pp. 63–71. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
7. Mel'tsin M. O. “Crimean” Branch of the Dolgorukov Princes in the 19th — 20th Centuries. In: *Iz glubiny vremen [From the Depths of Time]*. St. Petersburg, 1997, issue 9, pp. 139–160. (In Russ.)
8. Mel'tsin M. O. Author of One of the First Travel Guides to Novgorod. In: *Novgorodika-2006: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Novgorodika-2006: Materials of the International Scientific Conference]*. Novgorod the Great, 2007, pp. 257–264. (In Russ.)
9. Saraskina L. I. The Sounding Word, the Embodied Word (Writers in the Works of Dostoevsky). In: *Voprosy literatury*, 1989, no. 12, pp. 99–130. (In Russ.)
10. Stepanyan K. A. *Yavlenie i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo [Phenomenon and Dialogue in the Novels of F. M. Dostoevsky]*. St. Petersburg, Kruga Publ., 2010. 400 p. (In Russ.)

11. Shaulov S. S. “The Kumanin Inheritance Case” and “The Adolescent”: A Reception Aspect. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2020, no. 4 (12), pp. 105–116. Available at: dostmirkult.ru/images/2020-4/DOST_2020-412-INTERN-107-118.pdf (accessed on December 10, 2020). <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-105-116> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, Башкортостан, Российская Федерация, 450008); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: borisova@ufacom.ru

Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Professor, Head of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabrskoy Revolutsii 3a, Ufa, Bashkortostan, 450008, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: borisova@ufacom.ru

Поступила в редакцию / Received 16.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.02.2021

Принята к публикации / Accepted 15.03.2021

Дата публикации / Date of publication 31.03.2021